

ОТЗЫВ

**на диссертацию на соискание ученой степени доктора исторических наук
Наврузова Амира Рамазановича на тему
«Мусульманское просветительство в религиозной и общественно-
политической жизни Дагестана первой трети XX века,
специальность 5.6.1. – Отечественная история (исторические науки)**

Актуальность диссертационного исследования А.Р. Наврузова не вызывает сомнений, поскольку оно направлено на изучение феномена дагестанского джадидизма в контексте общественно-политических процессов в Дагестане. Исследование этих вопросов отражает более широкий контекст изучения реформаторских движений в разнообразных исламских сообществах, убедительно свидетельствует о различных траекториях развития джадидизма как исторического феномена.

Как показывает диссертант, исследованию джадидизма посвящено много работ, но его определение и масштабы до сих пор остаются проблематичными. Ведется острая полемика о сущности, причинах, персоналиях, локальной специфике этого явления, о соотношении понятий «джадидизм», «исламский реформизм», «исламский модернизм». Отдельные исследователи утверждают, что привычная дихотомия между кадимистами и джадидами иллюзорна, так как они писали об одних и тех же проблемах, а сам термин «джадидизм» не объясняет сути протекавших в различных регионах Российской империи интеллектуальных процессов (М.Кемпер, П.Сартори и др.). Другие полагают, что джадидизм воплотил дискурс модерна, состояние колониальности, так как описывал ислам в терминологии модерна («отсталый», «цивилизовать» и пр.) и как проект модерна поклонялся рационализму (А.Бустанов и др.). В эту научную полемику диссертант стремится внести свой посильный вклад.

Важным академическим аспектом актуальности также является недостаточная представленность Дагестана в научном дискурсе, посвящённом

джадидизму, реформаторству и традиционализму в Российской империи и Советском Союзе.

Тем временем, и на это неоднократно обращает внимание диссертант, современная полифония богословских дебатов в этом регионе, как и на Северном Кавказе в целом, несет на себе заметный отпечаток дискуссий позднеимперской и раннесоветской эпох. Это придает работе особое общественно-политическое звучание. Выбор подобных хронологических рамок диссертации, связывающих эти исторические этапы в единое полотно, вполне уместен, однако в тексте диссертации четкое обоснование хронологии отсутствует.

Обратим особое внимание на важную ремарку диссертанта о том, что мусульманское реформаторство не может рассматриваться исключительно через призму национального самосознания и общественно-политических процессов (с.17). Однако мы являемся свидетелями того, как тематика джадидизма используется политическими акторами для конструирования нарратива об «общетюркском национально-освободительном движении», к проявлениям которого, решительно и без всяких на то оснований, относят джадидизм в мусульманских ареалах Российской империи-СССР, включая Северный Кавказ и Закавказье. В этой же плоскости лежат претензии на монополию в обладании этим символическим ресурсом, попытки превращения его в инструмент политических манипуляций.

Отмечая практическую значимость работы, нельзя не упомянуть и о продолжающихся в последние десятилетия спорах о направленности современной «реформации» в сфере российского исламского образования, развития отечественного богословия и исламской теологии как научной отрасли. Идеологическая компонента богословского дискурса т.н. традиционного ислама, актуализация и углубление умеренных трактовок Корана и Сунны должны опираться на собственное богословское наследие,

один из оригинальных спектров которого представлен в этом диссертационном исследовании.

Предмет, объект, цели и задачи исследования в целом логично соотносятся между собой, хотя отдельные формулировки могут быть уточнены. К примеру, в задаче «выявить преемственность просветительской деятельности дагестанских реформаторов» (с.22) неясно о преемственности кого/чего с кем/чем идет речь? Следовало оговорить содержание впервые употребляемого в задачах понятия «ваххабизм» (с.22).

Методологическая основа исследования представлена диссертантом в виде набора методов. Необходимость их применения в работе убедительно обоснована. Судя по материалам диссертации, автор следует позитивистскому подходу, ориентируясь на источники и стремясь воспроизвести историческую картину в её первозданном виде, реконструировать прошлое в духе «как было на самом деле». По нашему мнению, работа выдержана в аналитической оптике постколониальных исследований (Postcolonial Studies), которая подразумевает обретение собственной субъектности и агентности носителями реформистского дискурса. Отсюда проистекает стремление автора «дать голос» самим мусульманским реформаторам, анализировать их идеи через призму собственных теорий и концепций и обращение к первоисточникам, которые позволяют реконструировать позиции участников процесса.

Однако, на наш взгляд, анализ источниковой базы требовал большей критической рефлексии. Известно, что джадидская пресса, являясь способом самовыражения, коммуникации, распространения идей, может расцениваться как инструмент для решения джадидами собственных общественно-политических задач (см. на эту тему работы Диляры Брилёвой, Стефана Дюдуаньона и др.). В этом ключе, к примеру, можно рассматривать анти-шейхскую, анти-суфийскую полемику, которая велась на страницах прессы дагестанских джадидов.

Академическая новизна исследования бесспорна. Оно базируется на широком круге источников на арабском языке, языках народов Дагестана, включая рукописи из частных и мечетных собраний, собранные в ходе археографических экспедиций диссертанта. Значительный (419 единиц) объём неопубликованных, в том числе рукописных, источников свидетельствует о глубокой проработке темы. Многие источники впервые вводятся в научный оборот. Автор является признанным специалистом в области переводов и изучения арабоязычной реформаторской прессы региона, обладает большим опытом археографической работы. В исследовании использованы и опубликованные источники, и научные работы на арабском, турецком и европейских языках. Сильной стороной являются и антропологические навыки диссертанта. Им были проведены интервью в ключе «устной истории», которые помогали дополнить письменные источники.

Благоприятное впечатление производит значительный по объёму и глубине историографический анализ, предпринятый в работе.

Важным достоинством работы является стремление А.Наврузова к сравнительному анализу дагестанских материалов с данными по всему Северному Кавказу и Волго-Уральскому региону. Исследование выгодно отличает то, что оно подчеркивает значимость дагестанского джадидизма как фактора, способствующего установлению контактов между религиозными элитами различных регионов (с.4). Вполне разделяем точку зрения диссертанта, который отмечает, что, несмотря на общие идеи и определённое сходство мусульманских реформаторских движений, их развитие происходило не последовательно, а параллельно, и приводило к различным целям и результатам (с.18). Интересны замечания компаративного характера о том, что джадидская система образования в Дагестане не противопоставлялась традиционной, а развивалась во взаимодействии с ней (с.132), что местные реформисты не разделяли «идею общетюркской нации» (с.158).

Автор проводит глубокий анализ механизмов проникновения реформаторских идей в дагестанское общество. Ценными с научной точки зрения представляются выводы автора, касающиеся отношения реформаторов и традиционалистов по внутриконфессиональным вопросам. Существенное теоретическое значение имеют выводы о влиянии нового восприятия ислама на рост национального самосознания народов Дагестана, что, в свою очередь, способствовало поиску новых моделей социальной и политической организации (с.24).

Значимым является предпринятый анализ взглядов северокавказских интеллектуалов на языковую политику, устаревшие, с их точки зрения, адаты и вопросы прав женщин.

Оригинальны материалы о реформистской критике распространявшейся отдельными шейхами идеи мухаджирства, хиджры (переселения) в Османскую империю, описание типичной для других регионов страны рамки столкновения «истинного шейхства» и «мнимого» (с.289-290, 294 и др.).

В заключении автор обращает внимание на гуманистическую составляющую идеологии реформ (ислах), подчеркивая стремление дагестанских реформаторов к модернизации исламских традиций с целью мирной адаптации мусульманского общества в условиях российской и советской правовой системы (с.342). Фундаментальным является вывод о модернизаторском характере просветительской деятельности дагестанских реформаторов, направленной на утверждение ислама как жизнеспособной и прогрессивной религии в индустриальную эпоху (с.347).

Стремление охватить весь исследуемый материал в духе позитивистского подхода, ориентированного на воспроизведение исторической действительности во всей её полноте, на наш взгляд, помешало сделать положения, выносимые на защиту, аналитически более емкими. Последние носят преимущественно описательный характер, что, полагаем, во многом

объясняется новизной темы и значительными объемами вводимого в научный оборот исторического материала. В целом они отражают основные результаты исследования и подтверждены анализируемыми материалами.

Апробация результатов исследования представляется достаточной и разносторонней. Основные выводы работы нашли отражение в более чем 90 публикациях, в том числе 19 статей в журналах из перечня ВАК и индексируемых в Scopus, 3 монографии (одна – в соавторстве), более 80 публикаций в РИНЦ.

В целом диссертация представляет собой фундаментальное исследование, основанное на обширной источниковой базе и современной российской и зарубежной историографии, что позволяет рассматривать её как значимый вклад в изучение истории мусульманского просветительства в Дагестане и шире – в исследование реформаторских движений в исламских сообществах в общероссийском и мировом масштабе.

Многомерность предмета исследования, значительность объема современной историографии и изучаемых источников и позитивистская аналитическая рамка, очевидно, существенно затруднили работу диссертанта. Потому отдельные содержательные моменты (в части терминологии, историографии и отдельных сущностных положений работы) нуждаются в пояснении.

1. Вопросы терминологии

Признавая сложность и многомерность самого явления мусульманского реформаторства, многообразие его вариаций и попыток научного анализа, диссертант пытается оперировать большим количеством дефиниций. Становясь заложником собственного и чужого научного языка, ему не всегда удается четко и логически непротиворечиво сформулировать собственную позицию. Это выражается в ряде следующих спорных моментов:

1) тема диссертации – «мусульманское просветительство», но с первых строк речь идет только о джадидизме, без пояснения о соотношении понятий. При этом в задачах фигурирует целый набор терминов без специальных объяснений – «модернизаторская» и «просветительская сущность дагестанского реформаторства» (с.20). Термины «просветительство» и «реформаторство», по всей видимости, используются как синонимы, а на с.23 введения возникает термин «обновленчество» в отношении предмета исследования. На наш взгляд, следовало с самого начала четко прописать их содержание.

Разъяснение соотношения понятий «реформаторство» и «джадидизм» появляется только в первой главе, в результате анализа историографии, где утверждается, что «мы можем говорить о сосуществовании в дагестанском реформаторстве одновременно элементов мусульманского реформаторства и джадидизма» (с.71), и «Мы считаем мусульманское реформаторство Дагестана первой трети XX в. одной из форм или разновидностей джадидизма XX в.» (с.72). Дальнейшие рассуждения диссертанта говорят о том, что все-таки это не однопорядковые явления (сочетание элементов), а одно является частью другого. Возникает вопрос: на основании каких критериев делается вывод, что это не однопорядковые, а соподчиненные, явления?

2) В работе справедливо отмечается, что «содержание этого термина (джадидизм – Ю.Г.) применительно к Дагестану имеет свои особенности, которые следует оговорить специально» (с.71), затем дается описание региональной специфики, но методом «от обратного», то есть объясняется, чем он не является (при том, что диссертантом в сноске 164 на стр.71 представлено определение «джадидизма в Поволжье»). Так чем же является «дагестанский» джадидизм? Каковы черты, присущие именно ему?

3) В первой главе приводится обзор мнений в отношении «восточного просветительства» (с.74-75), но не приводятся его родовые характеристики. Каковы его критерии выделения как особого явления? В чем связь с

джадидизмом и реформаторством и в чем отличие от модернизма? Что из себя представляет упоминаемое здесь же «мусульманское просветительское движение» именно как движение со своей внутренней динамикой развития?

4) На страницах 124-125 работы – внезапно и без пояснений сути понятий – возникают термины ««исламский умеренный реформизм», «обновленческая ориентация (обновленцы)» в отношении дагестанских реформистов. Необходимо разъяснить, что включают в себя эти понятия.

2. Историографические аспекты исследования

1) Требуется прояснения следующий тезис: «Исследования, посвященные истории мусульманского реформаторства и джадидизма в мусульманских регионах Российской империи (Крыму, Волго-Уральском регионе, Центральной Азии и на Кавказе), отличают разные методологии и концептуальные подходы». Однако из текста неясно, о каких именно методологиях идет речь.

2) Здесь же значится, что «наш обзор литературы по Поволжью и Уралу показал, что, несмотря на единое понимание сути реформаторства как хронологическом, так и концептуальном плане, все же здесь картина в этом вопросе более открыта и более разнообразна». О каком «едином понимании сути реформаторства» идет речь, если ранее указывалось на принципиально отличные методологические подходы и трактовки этого явления?

3) В Главе 1, в параграфе, посвященном зарубежной историографии, диссертант относит работы отдельных современных специалистов (Эдварда Лаззерины, Кристофера Ноака и ряда других) к советологической школе, хотя их публикации, за редким исключением, выходят и хронологически, и содержательно за рамки привычных для периода холодной войны оценок. Общеизвестно, что именно Лаззерини первым поставил важные вопросы о пересмотре характерного для советологического дискурса дихотомичного разграничения джадидизма-кадимизма, призвал отказаться от бинарных оппозиций в оценке этого явления. Каковы критерии выделения

советологической и ревизионистской школ, а также разграничения между ними?

3. Вопросы по существу содержащихся в диссертации утверждений:

1) Крайне сложный, политически окрашенный вопрос, о соотношении ваххабизма, салафизма и дагестанского реформаторства диссертант, опираясь на доступные ему источники, решает следующим образом. На с.124 значится, что «Дагестанские реформаторы были, как мы показали выше, реформаторами-салафитами обновленческой ориентации (обновленцы)». Поясняется, что «Они ориентировались на модернизацию мусульманской общины при сохранении её своеобразия на фундаменте «чистого ислама» на достижение политической независимости и преодоление отсталости с помощью Запада», «Они были поборниками европеизации общества при сохранении национального своеобразия на основе «чистого» ислама» (с.228). Однако в тексте работы неоднократно говорится, что дагестанские джадиды не были сторонниками принятия европейской культуры, а стремились ограничиться только освоением западных наук. В чем, по мнению диссертанта, принципиальная разница между «европеизацией» и принятием европейской культуры?

2) Вывод по параграфу о ваххабизме, на наш взгляд, отчасти противоречит материалу, приведенному в параграфе. Вывод сформулирован следующим образом: «Ваххабиты и дагестанские реформаторы в своей деятельности по очищению ислама от всего того, что было привнесено в него многовековой религиозной практикой, апеллировали к мусульманской общине первых трех веков ислама» (с.110), однако ранее доказывалось, что реформаторы не воспринимали эту риторику возвращения в прошлое, а двигались «Вперед с Кораном» (с.103). Следует разрешить эту логическую коллизию.

3) В выводах, освещающих проблемы отношения реформаторов к суфизму, содержится утверждение о том, что «Дагестанские реформаторы

положительно относились к классическому суфизму...» (с.310). Что понимается под «классическим суфизмом»? Каковы его характеристики в сравнении с, условно говоря, «неклассическим»?

4) Необходимо уточнить, что имеет в виду диссертант, когда пишет, ссылаясь на собственную публикацию: «В начале 90-х годов, когда в России и на Северном Кавказе начались процессы реисламизации, дискуссия между дагестанскими суфиями и современными салафитами по вопросу тавассула, истигасы и рабиты вновь возобновилась. Она продолжается в Дагестане и по сегодняшний день, так как проблема *не решена с позиции знания* (курсив мой – Ю.Г.)» (с.323).

5) Еще раз отмечая значимость проведенной диссертантом источниковой работы, хотелось бы более ясно понимать реальный охват, количественные характеристики аудитории реформистской прессы, социальный портрет ее коллективного читателя.

6) Наконец, интересно авторитетное мнение диссертанта по вопросам взаимоотношений государства и суфийских лидеров: заметно ли повышение градуса критики суфиев во второй половине 1920-х годов по официальным каналам? Имеются ли данные о том, что критика, развернутая в реформистских СМИ региона поощрялась центральными и местными властями?

Менее значимые замечания, которые не носят содержательного характера, состоят в следующем. К разряду технических недоработок можно отнести то, что глава 2 начинается с обзора понятий, которым уже были посвящены введение и первая глава, а затем, на с.132, появляется следующая ремарка: «Данная статья рассматривает особенности дагестанского варианта новометодной системы образования...». В параграфе, посвященном истории «женского вопроса», неожиданно появляется еще один историографический блок – анализ современной историографии о положении российских

мусульманок и проектах реформирования их социальной жизни (с.209-210 и пр.).

Не очень логичным выглядит появление во введении, в российско-советском историографическом разделе, современных зарубежных (узбекских) публикаций и развернутая полемика по вопросам религиозной «реформации» (с.16-17).

Требовало специального пояснения включение параграфа, посвящённого взаимодействию с властями, в первую главу, которая в целом носит обзорно-историографический характер. При этом название этого параграфа не вполне отражает его содержание: в большей степени речь идёт о представлении новых политических реалий на страницах реформаторской прессы и о позиции отдельных реформаторов, нежели о непосредственных контактах с властными структурами.

Несмотря на имеющиеся замечания, следует отметить, что цель диссертационной работы достигнута. Диссертантом проведена значительная работа по выявлению, систематизации, обобщению оригинальных источников, отражающих различные аспекты реформистского дискурса в мусульманской умме Дагестана в первой трети XX века. Работа носит междисциплинарный характер, базируется на оригинальных источниках. Рассматриваемая тема имеет важное академическое и прикладное значение, так как связана с проблематикой текущих государственно-исламских отношений, адаптацией отечественного богословского наследия, норм исламского права к современным российским общественным и политико-правовым реалиям.

Автореферат в целом отражает содержание диссертационного исследования.

Диссертация соответствует паспорту специальности 5.6.1. (пункту 4 «История взаимоотношений власти и общества, государственных органов и общественных институтов России и ее регионов» и пункту 9 «История

общественной мысли. Интеллектуальная история. Историческая имагология. История образования и образовательных институтов») и отвечает требованиям «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства РФ от 24.09.2013 г. №842, предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени доктора наук.

Официальный оппонент:

Профессор департамента истории Института гуманитарных наук ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет», доктор исторических наук по специальности 07.00.02 – Отечественная история, доцент

Гусева Юлия Николаевна

25 апреля 2025 года

Адрес: 129226, г.Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д.4, к.1

Тел.: +7 902 324 82 54

Эл.почта: GusevaYuN@mgru.ru

